

Матушка Ли отличалась на редкость радушным нравом, а другой обитатель дома, неразговорчивый дядя Чжун, устроил для Му Бая небольшую кровать в смежной комнате, которая с тех пор стала его личным убежищем.

В комнате было очень тепло. Наевшись до отвала, Му Бай немного отдохнул, с удовольствием искупался и облачился в маленькую ночную сорочку, которую Наньгун носил пару лет назад. Жизнь сразу показалась ему прекрасной. Матушка Ли заметила, какой он худенький, и знала, что за день он проделал немалый путь, поэтому прониклась к нему жалостью. Напоследок она велела ему лечь пораньше и ушла. Му Бай остался в своей маленькой кроватке один: наполовину возбужденный, наполовину непривычный к новому месту, он никак не мог уснуть и, обхватив одеяло руками, предавался сумбурным мыслям.

Информации в его распоряжении пока было немного. Он знал лишь то, что главный герой Ань Чэньсюань сейчас все еще оставался затворником в богатом поместье — таким несчастным ростком, которого не любил отец и гнобила мачеха. Тот был всецело поглощен борьбой внутри клана и жаждой поставить врагов на место. Наньгун Цинъянь же находился в самом беззаботном периоде своей жизни: хотя его мать умерла рано, отец горячо его любил, а судя по нынешней обстановке, матушка Ли и дядя Чжун в доме тоже относились к нему прекрасно.

Однако крутые перемены должны были наступить, когда ему исполнится восемь лет. На берегу реки Гуаньлань свирепствовали речные разбойники, серьезно отравляя жизнь простым людям. Чиновники ничего не могли с этим поделать, и тогда Наньгун Че лично повел людей на подавление бандитов. В итоге на полпути они угодили в ураганную западню врага, и после ожесточенных сражений, длившихся несколько дней и ночей, он выбился из сил и погиб. Позднее отец Чжо Цинъянь, Чжо Вэй, стал новым главой Секты Цинъянь, а Наньгун Цинъянь оказался в весьма неловком положении внутри секты. Его старшинство было чрезвычайно высоким, и обычным людям было трудно просто так его воспитывать, никто не мог наставить его на верный путь. Чжо Вэй и Ло Сюй, два побратима Наньгун Че, жалели мальчика, потерявшего отца в столь юном возрасте, и сами того не замечая, во всем потакали ему. До тех пор пока он не проломил бы дыру в небесах, они попросту не решались упрекнуть его хоть словом. Сверстники же либо боялись к нему приближаться, либо лестили и заискивали, так что подходящего товарища для игр у него все равно не было. Именно это и сформировало его все более замкнутый, все более эгоцентричный характер.

Му Бай горько сожалел, что в романе этот момент был лишь вкратце упомянут, а предыстория злодея прописана слишком небрежно. Теперь, вспоминая об этом, он находил здесь множество нелогичных вещей.

Во-первых, боевые искусства Наньгун Че были невероятно сильны. Даже столкнувшись он со сколь угодно большим числом врагов, если бы и не смог одержать победу, то по крайней мере обеспечить собственную безопасность для него не составило бы труда. Иначе впоследствии не возникало бы ситуаций, когда Наньгун Цинъянь подвергался нескольким осадам со стороны ортодоксальных боевых искусств и все же умудрялся выйти сухим из воды. К тому же в клане Наньгун имелся не имеющий равных в мире Цингун: если нельзя одолеть противника в бою, разве нельзя было отступить? Эта история выглядела весьма подозрительно.

Во-вторых, в книге Наньгун Цинъянь и Ань Чэньсюань то и дело сцеплялись друг с другом, хотя

на деле речь шла лишь о сущих пустяках. Тем не менее кто-то постоянно нашептывал Ань Чэньсюаню, будто Наньгун ведет себя высокомерно и вызывает у всех отвращение. Как говорится, в семь лет видно то, что будет в сто; судя по нынешнему поведению Наньгуна, хотя он и не любил общаться с людьми, характер у него вовсе не был отталкивающим, он даже казался довольно добрым. Неужели боль утраты отца могла за одну ночь настолько изменить его нрав, что все отвернулись от него?

И наконец, после того как Ань Чэньсюань и Наньгун Цинъянь стали врагами, Чжо Вэй и Ло Сюй наперебой выказывали разочарование этим мальчиком. После нескольких безуспешных попыток примирить их они просто пустили дело на самотек. В конце концов Наньгун ступил на путь невозврата, и когда в мире боевых искусств поднялся страшный шум с требованиями убить его и заставить заплатить кровью за кровь, Секта Цинъянь тут же изменила своему обычному обыкновению выгораживать своих людей. Они заявили, что появление столь мятежного ученика в их рядах — поистине великое несчастье, и пообещали сурово наказать его без всякой пощады. Хотя к тому моменту Наньгун действительно совершил тяжкие, непоправимые преступления, ради памяти его отца следовало бы тихо-мирно очистить ряды клана — к чему было столь громогласно объявлять его смертельным врагом?

Вырвись за рамки мышления романа, где главный герой неуклонно поднимается по ступеням силы, и взглянув на проблему с точки зрения Наньгуна Цинъянь, Му Бай отчетливо уловил душок заговора. Лес велик, и каких только птиц в нем нет. Секта Цинъянь развивалась столько лет, и он ни за что не поверил бы, что абсолютно все ее члены кристально чисты.

Жаль только, что он сам пока еще слишком мал — всего семь лет, и сделать он может слишком мало. Интересно, сколько нынче лет боссу? Судя по виду, он ненамного старше его самого. Наньгун Че сейчас еще жив, значит, ему должно быть меньше восьми. При мыслях об отце Наньгуне, то строгом, то залиvisto смеявшемся, а также о его преждевременной кончине, Му Баю становилось немного не по себе. Он размышлял, удастся ли ему в будущем навести справки о его передвижениях, чтобы в случае необходимости вовремя подать знак.

Самые разные мысли проносились в его голове, пока тело, не выдерживая нагрузки, погружалось в полубессознательное состояние. Му Бай перевернулся на другой бок и смутно подумал: ладно, сначала надо нормально выспаться, а завтра с утра расспросить, сколько же лет Маленькому Наньгуну, и тогда уже все как следует распланировать.

Но стоило ему перевернуться, как сквозь тусклый свет, проникавший с улицы через окно, его сонные глаза заметили возле постели темный человеческий силуэт.

Для Му Бая, не ожидавшего ничего подобного, этот испуг оказался невероятно сильным — он тут же единым махом сел на постели. Всякая сонливость слетела с него в один миг, а на лбу выступил мелкий пот. Его спина с глухим стуком ударилась о стену изголовья.

С легким щелчком подсвечник на столике озарился пламенем — пришедший зажег свечу. Маленький Наньгун Цинъянь стоял перед ним и смотрел на него с непостижимым выражением лица.

Когда наваждение рассеялось, Му Бай быстро сообразил, что этот крошечный силуэт мог принадлежать только Наньгуну. Вот только напряжение в груди ничуть не развеялось: пусть он все распланировал, но ведь перед ним главный злодей его книги, хладнокровно убивающий людей! С этим злодеем могло случиться любое непредвиденное событие, так зачем же он бесшумно явился к его постели и застыл, не отрывая от него глаз? Неужели то, что он видел днем, было лишь обманом, и в столь юном возрасте у него уже скрывалась другая, никому не ведомая сторона?

Пламя свечи тихо качнулось. Низкий столик снизу вверх освещал лицо Наньгуна, создавая в точности тот же эффект нижнего света, что и в кино. Белоснежное, похожее на нефрит личико Наньгун Цинъянь приобрело зловещий оттенок — вылитая физиономия злодея.

Му Бай с опаской сглотнул слюну и нерешительно позвал:

— На... Наньгун? В ту же секунду в голове всплыли все сюжеты, виденные в романах. Расщепление личности? Психическое расстройство? Неужели он хочет прикончить меня среди ночи? Я еще толком не пожил во второй жизни, умирать вот так, не пойми за что, совсем не хочется. С нынешним уровнем культивации босса мне с ним точно не справиться.

Будет ли толк, если заорать? Матушка Ли и дядя Чжун... наверное, вмешаются? Нет, раз он стоит здесь с таким невозмутимым видом, неужели в комнате прячаться его сообщники? В воображении Му Бая уже нарисовалась картина: матушка Ли держит веревку, дядя Чжун подносит нож, а босс лично берется за дело — от этих мыслей его сердечко затрепетало.

Наньгун Цинъянь с бесстрастным видом произнес хм и продолжил осыпать его взглядом, от которого Му Бая бросало в дрожь, а затем неожиданно спросил:

— Тебе так страшно?

— Что? — в трепете переспросил Му Бай. Он-то, он-то и вправду жутко боялся, но признаться прямо не смел, поэтому попытался отделаться расплывчатыми отговорками. Раньше он во всем искал тайные замыслы, но теперь подумал: с чего бы в романе про гаремник и восхождение уровня культивации столько конспирологии? Разве босс не должен быть простым и жестоким злодеем?

Наньгун указал на его лоб:

— Ты вспотел. В комнате вроде не так жарко.

— И правда не жарко, — Му Бай смог лишь судорожно усмехнуться. Голос прозвучал хрипло, как у испуганной утки, и, сочтя себя глупцом, он тут же замолк.

— На самом деле тебе не стоит так бояться, — снова ляпнул непонятно к чему Наньгун.

— П-правда? — Му Бай был готов расплатиться слезами. Чего этому парню вообще надо? Выкладывай уже зачем пришел, прикончи поскорей, ладно?

— Матушка Ли говорила, что призраков на свете не бывает, — не обманув его ожиданий, изрек Наньгун с железобетонной уверенностью, после чего замолчал на секунду. — Так что тебе вовсе не обязательно принимать близко к сердцу рассказы моего отца, среди ночи никакой призрак не прижмет к твоей спине.

— ...Чего? — Му Бай чувствовал, что за ходом мысли этого ребенка угнаться невозможно.

— Но раз ты только что приехал к нам, матушка Ли сказала, что ты можешь бояться незнакомых мест, поэтому я решил: ночью будешь спать со мной. — Наньгун Цинъянь принял великодушный вид.

Му Бай: «...»

В голове пронеслись все десять страшнейших казней и сцены издевательств над котятами, а в итоге что сказал босс? Спать с ним в одной постели?

— Живей, я хочу спать. — Увидев остолбеневшее выражение лица Му Бая, Наньгун поторопив его: — Так, захвати свое одеяло.

И тогда Му Бай, сохранив на лице выражение «я, должно быть, лунаню», в обнимку с одеялом странным образом улегся на постель Наньгуна. Мда, она оказалась куда больше его собственной. Нет, погодите, с какой стати он вообще сюда приперся? Не проще ли было просто сказать, что он не боится незнакомых мест?

Му Бай, решив, что от пережитого страха у него явно замкнуло мозги, растерянно пробормотал:

— Наньгун? Ты спишь?

Наньгун Цинъянь, завернувшись в собственное одеяло, повернулся к нему.

— Почему ты только что очутился у моей кровати без единого звука?

Пока он не выяснит это, Му Бай был уверен, что уснуть сегодня ему не удастся.

— Я хотел проверить, уснул ли ты. А оказалось, что ты трясешься от страха, — в голосе Наньгун Цинъяня проскользнуло легкое самодовольство. — А-Бай трусит куда больше меня. Нет, я вообще ни капли не боюсь.

Му Бай: «...»

Наконец раскусив психологию этого несносного ребенка, он не знал, плакать ему или смеяться, поэтому лишь уныло протянул:

— Я не боюсь призраков. Мало того, что их в принципе не существует, так даже если бы они были: «живи по совести — и полуночного стука в дверь не бойся». Пока поступаешь честно и держишься прямо, темным силам и призракам не подступиться к человеку.

Промывать мозги нужно с пеленок, пользуясь любой возможностью прививать правильные ценности!

Услышав фразу «даже если бы они были», Наньгун невольно покрылся мурашками. Он совершенно не хотел слушать то, что Му Бай собирался сказать дальше, и попросту автоматически заблокировал его голос в своей голове:

— Понял-понял, давай спать.

Натянув одеяло прямо на голову, так призраку точно не пробраться внутрь!

Он думал, что из-за новоиспеченного маленького соседа по постели уснуть толком не удастся, но к его удивлению, он быстро погрузился в крепкий сон. А вот Му Бай остался лежать один, с мрачным видом уставившись в темный потолок — после всех переделок сонливость испарилась окончательно.

За дверью дядя Чжун, молча выслушавший перепалку двух детей, развернулся и направился к себе.

Биологические часы сбились, и Му Бай кое-как заснул только под утро. Во сне Наньгун Цинъянь непрерывно ухмылялся, злобно и жутко скалился на него, а затем вдруг превратился в чудище из страшной сказки Наньгун Че — из семи отверстий его лица сочились кровь, а сам он скалил огромный багровый рот без зубов и языка.

Му Бай бежал без остановки, а Наньгун неотступно следовал за ним по пятам, и стоило чуть оглянуться, как лицо преследователя оказывалось совсем близко.

В тот самый момент, когда жуткая маска вплотную прижалась к нему, Му Бай резко подскочил на постели. Комната уже была залита ярким дневным светом, Наньгуна рядом давно не было. Отупело проведя рукой по лицу, Му Бай выглянул наружу и внезапно снова перепугался.

Наньгун Цинъянь, этот непредсказуемый парень, чьих выходов вечно нельзя было предугадать, тихонько парил за окном.

В самом деле парил — Му Бай отчетливо видел его висащие в воздухе ноги.

Тело реагирует на страх всегда быстрее, чем мозг. Не успел Му Бай сообразить, как из его горла вырвался короткий, пронзительный визг. Вопль взмыл прямо к небесам.

Маленькое тело Наньгун Цинъяня качнулось, и он камнем рухнул вниз.

Му Бай с молниеносной реакцией сбросил одеяло и бросился к окну, а в голове вихрем пронеслись мысли: убийство?! Кто мог это совершить? Кто способен среди бела дня запросто лишиться человека жизни во владениях Наньгун Че и открыто вывесить тело у окна? Почему он упал, стоило только мне закричать?

А еще в груди шевельнулась странная тоска: неужели его появление нарушило жизненный путь здешних обитателей? Почему Наньгун погиб так рано? Ведь этого не должно было случиться...

Напуганный пронзительным воплем Му Бая, Наньгун Цинъянь совершенно неожиданно для себя шмякнулся на землю носом в грязь. Разъяренный до предела, он вскочил на ноги и рывкнул на подбежавшего к окну Му Бая:

— Какого черта ты тут голосишь?!

Му Бай: «...А?»

И где же обещанное место преступления?